

ИГОРЬ
ШАФАРЕВИЧ

РУССКИЙ НАРОД
В БИТВЕ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Игорь Шафаревич

**Русский народ в
битве цивилизаций**

«Алисторус»

Шафаревич И. Р.

Русский народ в битве цивилизаций / И. Р. Шафаревич —
«Алисторус»,

Книга посвящена вопросу, о котором трудно сейчас не задуматься: можно ли найти какую-то логику в цепи драматических переворотов, потрясших нашу страну за прошедший век? Если надеяться на то, что русский народ выживет, то он должен осмыслить эти события как некоторый опыт, и это осмысление должно помочь в выборе дальнейшего пути.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть первая	7
РУССКИЕ В ЭПОХУ КОММУНИЗМА	7
Три идеи	7
Нация	10
Коммунизм	12
РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА	16
Крестьянская война	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Шафаревич Игорь

Русский народ в битве цивилизаций

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена вопросу, о котором трудно сейчас не задуматься: можно ли найти какую-то логику в цепи драматических переворотов, потрясших нашу страну за прошедший век? Если надеяться на то, что русский народ выживет, то он должен осмыслить эти события как некоторый *опыт*, и это осмысление должно помочь в выборе дальнейшего пути.

Помню, как эта мысль укреплялась во мне очень давно, несколько десятилетий тому назад. И, с другой стороны, как трудно было выработать какую-то объективную картину, когда публикация документов находилась под контролем строжайшей цензуры! Один из способов обойти эту трудность был такой: понять логику нашей революции и послереволюционных лет, пользуясь аналогией с Французской революцией, во многом так похожей. А литература тут была гораздо доступнее. Попробовав и этот путь, я поражаюсь благоприятным условиям работы историков Французской революции, которым было доступно большинство архивов революционных времен. Я хорошо помню, как для себя формулировал условия их работы: «Это примерно так, как если бы каким-то чудесным образом нашим историкам стали доступны архивы ЦК и ЧК». И вот то, что казалось возможным лишь в фантазии, совершилось в реальности – правда, как следствие колоссального слома всей жизни. И эти, и многие другие архивы открыты для исследователей, и квалифицированные историки издают сводки документов нашей истории. Для нескольких поколений в современной России появилась уникальная возможность соединить личное ощущение критического периода истории страны с доступом к разнообразному и надежному фактическому материалу. В теперешнем всеобщем упадке – это одно из немногих положительных явлений жизни (а возможно, единственное). И может быть, оно провиденциально дано нам, чтобы будущие поколения, осознав причины теперешнего распада, смогли найти выход из него.

Изложенные мысли и стимулировали мои работы, собранные в этой книге. Для удобства читателя я формулирую здесь основные мысли, которые кажутся мне новыми (по крайней мере, когда я писал соответствующие работы, эти мысли мне в литературе не встречались). Аргументы, подтверждающие эти тезисы, содержатся в работах, которые собраны в книге.

1. Социалистическое общество, построенное в СССР, и капиталистическое общество Запада не являются антагонистами, в принципе не противоположны друг другу. Наоборот, это два варианта, два пути, на которых может утвердиться «технологическая цивилизация», начавшая складываться на Западе еще несколько веков назад.

2. Революция 1917 года явилась насильственной развязкой длинного периода борьбы и колебаний в связи с основным вопросом: принять ли России основные принципы «технологической цивилизации» или бороться за поиски своего пути? Это относится к обоим этапам революции – и к Февральскому, и к Октябрьскому. В частности, пришедшее к власти учение марксизма было органическим порождением «западной» идеологии. В своей большевистской форме марксизм был тогда наиболее сильным и жизненным проявлением «западнического» течения.

3. Весь период «военного коммунизма» и Гражданской войны Россия была охвачена волной крестьянских восстаний, которые становятся понятнее, если их рассматривать как единую крестьянскую войну, подобную Пугачевщине, крестьянской войне XVI в. в Германии, Жакерии во Франции и т. д. Видимо, это была единственная крестьянская война в истории, в которой крестьяне не были побеждены государством. Накал ярости с обеих сторон и, в частности,

громадные, многомиллионные жертвы, на которые шли крестьяне, делает малоубедительным чисто экономическое объяснение этой Крестьянской войны. Она более похожа на религиозные войны, пережитые Западной Европой в XVI и XVII вв. Для находившейся у власти большевистской партии это была попытка осуществить идеи «Коммунистического манифеста» – основные принципы, на которых партия была создана.

4. После окончательного укрепления коммунистической власти жизнь партии проявлялась в возникновении череды оппозиций. Это было, по существу, единое движение, стремление более активной части партии вернуться к программе «военного коммунизма», требование реванша за поражение в Крестьянской войне и переход к нэпу. Наконец, более чуткая часть руководства (включая Сталина) поняла, что у партии, собственно, и нет другой программы, на проведение которой ее можно было бы мобилизовать. Коллективизация и выполнила эту программу, осуществила то, что не удалось сделать в крестьянской войне.

5. Индустриализация за счет деревни – это был путь развития, предложенный Западом, западный вариант построения «технологической цивилизации». В принципе, это было принятие Россией чужого пути развития, что отражалось в тогдашнем лозунге «догнать и перегнать!». Россия была переведена в разряд «догоняющих», то есть «отставших» стран.

6. Принятие западного, чуждого России пути развития означало, в духовном смысле, отказ от своей независимости. Это принудительно привело позже, в 1980—1990-е гг., к потере независимости в других областях жизни. Переворот конца 1980-х – начала 1990-х годов был не «отрицанием», а логическим завершением переворота 1917 г. и особенно коллективизации.

Трудно удержаться от того, чтобы не высказать здесь несколько соображений относительно возможного будущего. Изменения жизни, вызванные переворотом конца 1980-х – начала 1990-х годов, были наиболее явным подчинением России западному варианту «технологической цивилизации». Но есть много признаков того, что мы достигли *крайней точки* в этом направлении развития и дальше жизнь потечет уже в обратном направлении. Главным признаком наступающего изменения исторической тенденции, господствовавшей последние века, является, как мне кажется, явственное ослабление Запада. Он выглядит сейчас очень сильным материально и крайне агрессивен. Но ведь историей нельзя управлять при помощи крылатых ракет или даже водородных бомб. Главной силой Запада было не техническое оснащение, а привлекательность его уникальной культуры. В петровские времена, и даже раньше, русских дворян привлекали на Западе не чисто материальные радости. В своих усадьбах они могли бы сладко есть и пить, а крепостные крестьянки водили бы вокруг них хороводы. На Западе их привлекала (часто лишь угадываемая) обаятельная культура. Там они знакомились с Вергилием и Гомером, их притягивали идеи Декарта и Лейбница, возникающая великая наука. Ничего подобного сейчас Запад предложить не может. Высокое художественное творчество завершилось там уже в XIX веке. Быть может, величайшим духовным достижением Запада было создание физико-математической картины мира. Она была, в принципе, завершена в первой половине XX века. Сейчас, когда говорят о современных достижениях человечества, обычно упоминают спутники или компьютеры. Но это техника, а не наука, цель науки – открытие законов природы. Многие указывали на этот признак угасающей цивилизации: исчерпание духовного творчества, когда все интеллектуальные силы общества сосредоточиваются на технике. Таким же признаком является империализм, попытки создания «мировой империи». Да и все признаки близящегося конца, которые отмечали у существовавших ранее цивилизаций, практически всегда можно встретить у современного Запада. И если России удастся сохранить некоторую независимость от Запада, не стать полностью его «придатком», то она имеет еще шанс войти в «постзападническую» эпоху истории.

Часть первая

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭПОХА КОММУНИЗМА

РУССКИЕ В ЭПОХУ КОММУНИЗМА

Три идеи

Обсуждая возможности спасения нашей страны и народа в теперешнем гибельном положении, часто видят главную беду в том, что у нас нет для этого «положительной программы». Строго говоря, это неверно. Многие авторы и партии предлагали ряд конкретных мер, причем часто эти меры группировались и располагались в порядке очередности, как это и полагается в «положительной программе». Например: непримиримая война коррупции, прекращение утечки валюты за границу, «пересмотр приватизации», контроль над экспортом и импортом с целью стимулировать производство, ограниченная инфляция, национализация или закрытие большинства банков, законодательное введение больших сроков заключения за неуплату налогов в крупных размерах (как в США), обязательное указание источника денег при крупных покупках, введение карточек, непризнание разделения русского народа и т. д. и т. д.

Да и странно было бы, если бы таких мер не существовало, ведь выходили же другие страны из тяжелого кризиса: США при президентстве Рузвельта, Германия в начале власти Гитлера, Германия и Япония после окончания Второй мировой войны – причем в разных условиях. Редактор журнала «Москва» Л. И. Бородин даже сетует, что такими предложениями редакция завалена; они приходят «ежемесячно, если не еженедельно». Он пишет: «Ради справедливости скажем, что читать некоторые из подобных материалов было интересно, как вообще интересно любое развитие мысли, тем более если оно продиктовано добрыми намерениями. Представьте себе, к примеру, трактат об освоении марсианских пустынь, в котором все логично, научно и убедительно и отсутствует лишь одна маленькая деталь – как попасть на Марс» («Москва», 1998, № 1). То есть, как Л. И. Бородин пояснил в другом месте, такие проекты содержат выглядящие разумными планы, но без указания того, какими силами эти планы можно было бы воплотить в жизнь.

Из этого следует, что обсуждение нашей сегодняшней ситуации надо было бы начинать не с построения конкретных «положительных программ», а с обзора того, какие вообще силы действуют сейчас в историческом поле и на какую (или на какие) из них мы, русские, могли бы опереться. Наиболее четко положение сформулировал, мне кажется, С. Г. Кара-Мурза: «Если бы дело было в том, что к нынешнему положению нас привела политика Ельцина, – было бы полбеда. Народ каким-то образом сделал бы усилие и сменил режим. Беда в том, что режим имеет согласие слишком большой части народа. Согласие не на частности – тут большинство кричит и проклинает, – а на главное, на чем стоит этот режим. На идею масштаба религиозного: жить, наслаждаясь малыми радостями, даже если народ в целом умирает. И режим создал узаконенные «зоны наслаждения» буквально для всех: для пьяниц и спортсменов, для христиан и сатанистов, для демократов и коммунистов. Множество маленьких мирков, которые обособились в свои капсулы, приобрели статус и небольшую подпитку – при условии, что не мешают народу в целом умирать» («Наш современник», 1998, №11—12).

Значит, противопоставить этому положению можно только ценности, более привлекательные для человека, чем «малые радости» в «зонах наслаждения», ценности, ради которых этими «радостями» можно жертвовать, потому что такая жертва возвышает и приносит удо-

влетворение. И прежде всего необходимо дать себе отчет в том, какие вообще сейчас существуют духовные концепции или течения «религиозного масштаба», то есть способные объединить народ и вести его на борьбу и жертвы. Так, например, пытался Достоевский осмыслить современную ему жизнь более ста лет назад. Он пытался выделить основные идеологические силы, движущие человечеством. Он называл их «идеями». Одна статья в «Дневнике писателя» называется «Три идеи». И действительно, весь XX век оказался полем борьбы (и взаимодействия) именно *трех* «идей». Мне трудно соотнести их с теми «идеями», о которых писал сам Достоевский, но основные концепции XX века видны отчетливо. Это:

1. Либерально-демократическая идея.

Основные ее положения:

- крайний индивидуализм, каждый (юридически) свободен делать свой выбор, но и не имеет основания рассчитывать на поддержку других;
- полная свобода и даже культ конкуренции; рынок как основной регулятор экономики;
- всеобщее и равное избирательное право; политическая власть как бы делится на миллионы формально одинаковых кусочков, и каждый полноправный гражданин получает свой кусочек – голос на выборах; потом они объединяются вокруг партий, воздействующих на общество через СМИ.

2. Коммунистическо-социалистическая идея.

Ее принципы:

- жизнь определяется не как составляющая множества индивидуальных волей и решений, а на основе единого, строго рационально разработанного плана, которому эти воли должны подчиняться;
- в самом конкретном виде это экономический план страны на несколько лет, а в самом общем – план развития всего человечества; такой глобальный план (предвидение или пророчество) является единственно допустимой и обязательной идеологией общества, а экономические планы монопольно определяют его экономику.

3. Национальная идея.

Сравнительно с двумя другими течениями явление ее в XX веке было внезапно и неожиданно. К концу XIX века национальный фактор казался в истории преодоленным, каким-то пережитком – причем по мнению как либералов, так и социалистов. Но уже мировая война 1914 года показала, насколько это было неверно, вызвав шок целых слоев интеллигенции («потерянное поколение»). Именно национальные силы превратили Первую мировую войну из обычной войны за определенные территории в войну на уничтожение. Потом в германском национал-социализме национализм оказался силой, вырвавшейся из-под всякого человеческого контроля. И после Второй мировой войны национальные расколы сотрясают мир на всех континентах. Но, с другой стороны, национальное единение дало силы подняться поверженным Германии и Японии.

И сейчас на ближайшее будущее не видно других сил, на которые мы сможем опереться, поднимаясь из теперешнего падения. Так что на предвидимое будущее наша судьба будет, очевидно, складываться из этих трех составляющих – как вектор в трехмерном пространстве с этими осями координат. Обсуждению этих сил и их влияния на судьбу русского народа (или некоторых аспектов этой проблемы) и посвящена настоящая работа.

Дальше я полностью исключаю из рассмотрения вопрос о влиянии либерально-демократической идеи. Он потребовал бы отдельного исследования. Особенно когда речь идет о влиянии этой идеи на судьбу России. Здесь возникает громадная трудность, сущность которой в следующем.

Попытка внедрения либеральной концепции привела за последние десять лет к тому трагическому состоянию нашей страны, которое всем уже хорошо известно. А тем самым и концепция глубоко скомпрометирована, она вызывает омерзение и ненависть. Хочется все это проклясть целиком и от всего отрешиться – и не только от того, что хлынуло к нам за последние годы, но и более принципиально: от всего «европейничанья», начиная с Петра. И в такой реакции есть здоровое зерно: этот «западный прогресс» в тех формах, в которых он стал выкристаллизовываться с XVII века, уже по всему миру показал свою болезненную, даже смертельную сущность. Он губит не только другие, традиционные цивилизации, но и деревню, и вообще природу, всюду убивает живое и заменяет его техникой.

Но, с другой стороны, это громадная сила, не владея которой хоть в какой-то степени народ не имеет надежды выжить. Эта сила связана с интеллектуальным переворотом, происшедшим на Западе одновременно с установлением там либерально-демократического уклада общества: с так называемой научно-технической революцией XVII—XX веков. Причем весь дух, весь идеологический базис научно-технической революции неразрывно связан с основными принципами либерально-демократического уклада общества. Благодаря научно-технической революции возможность западных стран производить определенные материальные ценности увеличилась в сотни, тысячи и миллионы раз. Когда мы часто пишем, что высокий жизненный уровень Западной Европы и Северной Америки происходит из-за того, что одна пятая человечества живет за счет других четырех пятых, то это правда, но не вся правда: производительные возможности Запада колоссально возросли в результате переворота научно-технической революции. Да этот же переворот дал в руки Запада и громадные силы, при помощи которых он подчинил себе почти все остальное человечество, орудуя в случае необходимости так, как мы это сейчас видим на примерах Ирака и Сербии.

Вопрос о том, как России относиться к происшедшему на Западе перевороту, встал уже давно. Один раз Россия выбрала свой ответ: в эпоху Петра I. Несмотря на все недостатки этого ответа, он дал России двести лет устойчивого развития, избавил ее от судьбы Индии и Китая. За это время страна достигла своих естественных пределов, была создана великая русская культура XIX века.

Сейчас тот же вопрос возникает вновь. И опять полный отказ, полное отрицание представляется невозможным: очевиднее всего, из соображений безопасности страны. Но есть и более глубокая причина: мы слишком многое приняли в себя от Запада – во всей культуре, в самом типе мышления. Наконец, такое решение не соответствовало бы духу русской традиции. Россия, как заметил В.В. Кожин, легко воспринимает культурные импульсы, и это дает толчок ее самостоятельному развитию. Так мы восприняли вместе с принятием христианства глубокую византийско-греческую традицию, в эпоху петровских реформ – традиции постренессансной Западной Европы.

Здесь возникает важнейшая и очень трудная задача для русского национального сознания: что (и как) из продуктов либерально-демократического развития Запада (включая научно-техническую революцию) можно усвоить и использовать, не разрушая страну и ее национальную традицию. Я только отметил эту громадную проблему, чтобы подчеркнуть, что не собираюсь ее здесь обсуждать.

Работа посвящена двум другим движущим идеям XX века: национальной и социалистическо-коммунистической. Но начать надо с обсуждения этих двух исторических явлений: нации и социализма (или коммунизма). При этом мне придется иногда повторять некоторые соображения, высказывавшиеся в моих более ранних работах, – это делается для удобства читателя.

Дальнейшее содержание работы: общее изложение тех основных (в моем понимании) двух концепций, о которых сказано выше, их реализация в нашей новейшей истории и, нако-

нец, обсуждение того, как эти вопросы преломляются в нашей сегодняшней жизни и влияют на наше будущее.

Нация

Практически во все известные нам времена люди живут, объединяясь в группы, большие, чем семья, и меньшие, чем все человечество. В известной нам письменной истории действующими лицами являются нации, формирующие государства. В более древний период и в современных догосударственных обществах такую же роль играет племя. Оба понятия объединяются в одно – этнос.

По какому принципу происходит объединение в этнос? Громадную роль играет родственность, единство происхождения, как в семье. Аристотель говорил, что государство произошло из семьи, а он имел в виду национальное государство. Во многих обществах распространен миф, согласно которому все их члены рождены, как растения, родной землей (автохтоны), и поэтому все в некотором смысле братья друг другу. С другой стороны, в жизни каждой нации играет роль большое число людей иного происхождения, как бы «усыновленных» нацией, благодаря усвоению ее культуры и других духовных ценностей. Таким образом, нация – это сложное материально-духовное единство, и эти две стороны в ней не разорвать. Таковым же является и человек, как его, например, описывает Державин в оде «Бог»:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Таково же положение этноса, соединяющего в себе и материальные (происхождение, «кровь»), и духовные элементы (мифы, религия, культура, общая история). Он, аналогично человеку, связывает «цепь существ».

Роль этносов, видимо, связана с тем, что, объединяясь в эти группы, люди приобретают возможность находить ответ на вопросы жизни, абсолютно непосильные индивидуальному человеческому уму. При этом то, как находится ответ, остается совершенно непонятным индивидуальному уму: ответ объясняют тем, что «так повелось исстари», или что так указал мифический предок, или что делать иначе — грех, табу. Это совершенно другой путь контакта человечества с окружающей средой, чем индивидуальное рациональное мышление.

Один из самых поразительных примеров таков. При небольшом размере племен в известных нам примитивных обществах (а в палеолите и неолите они, вероятно, были еще меньше) очень велика, казалось бы, вероятность браков между близкими родственниками. Мы знаем, что такие браки часто дают неполноценное потомство, и кажется, что человечество с самого начала было обречено на вырождение. Однако оно существует уже миллионы лет в значительной мере благодаря действующей во всех известных обществах системе брачных запретов, называемой *экзогамией*. Простейший из них заключается в том, что племя разделяется на два клана и запрещается брать жену из своего клана (видимо, эта ситуация отразилась во многих сказках, когда герой отправляется куда-то «в тридесятое царство» добывать себе невесту). При этом дети зачисляются в клан матери. Уже этот запрет исключает браки между матерью и сыном, братом и сестрой. Но система запретов гораздо сложнее и исключает браки между близкими родственниками в далеком колене. Иногда молодые люди влюбляются вопреки экзогамным запретам («Ромео и Джульетта» первобытного общества). О таких драматических случаях

рассказывают песни. Обычным выходом является совместное самоубийство. «Убей себя, убей себя!» – кричала мне мать», – говорится в одной песне нивхов. Конечно, члены этих племен не имеют представления о вредных генетических последствиях кровнородственных браков. Для них экзогамные запреты – типичное табу. Да и наше отталкивание от идеи кровосмешения никак не сводится к заботе о здоровье возможного потомства.

Чтобы не создалось впечатления, что решение жизненной проблемы глобально, целым этносом, является особенностью первобытного общества, приведу пример из сравнительно недавней истории. Речь идет о происхождении современных капитализма и демократии – «либерально-демократической идеи». Они возникли в результате Реформации – грандиозного переворота, совершившегося в Западной Европе в XVI—XVII веках. Но сама Реформация не выдвигала ни капиталистических, ни демократических принципов. Ее основоположник Лютер даже торговцев и тех приравнял к ворам и никогда не покушался на авторитет и власть германских князей. Центральной идеей Реформации была *идея спасения*: спасения человеческой души в преддверии грядущего Страшного суда, которого ждали со дня на день. Основное богословское положение Лютера заключалось в том, что «спасение дается только верой», то есть *никакие* совершенные в этой жизни поступки не могут перевесить первородного греха человека. Очевидно, что это было учение, уводящее от всякой мирской деятельности.

Во времена английской революции 1640—1660 годов революционерами тоже двигали религиозные идеи. Они ожидали «пятую монархию» – монархию Иисуса Христа (это течение называлось квинтомонархизмом). Один из созданных Кромвелем парламентов назывался «парламентом святых». Каждому разумному человеку в то время должно было бы быть ясно, что «прогрессивным строем» является абсолютная монархия – такая, как испанская, французская, османская, а парламенты – это атавизм, пережиток Средневековья. И тем не менее на этом пути сначала в Англии, а потом в Западной Европе и Северной Америке была построена система промышленного капитализма, общества, основанного на всеобщем избирательном праве, произошла научно-техническая революция. И только несколько столетий спустя Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»¹ показал, почему же для создания столь практичного и мирского капиталистического демократического общества был необходим религиозный переворот Реформации. Несомненно, существует много других примеров такого решения задачи «групповым разумом» племени или нации (хотя бы открытие земледелия и приручение животных).

Конечно, совершенно непонятно, как этот «групповой разум» находит решение, недоступное индивидуальному человеческому разуму. Но ведь точно так же непонятно, как десять миллиардов клеток человеческого головного мозга вместе сочиняют стихи или доказывают теоремы.

Этот путь выбора народом правильного ответа, основанный не на рациональном, логическом мышлении, хорошо чувствовал Лев Толстой.

В «Войне и мире» он не раз возвращается к этому вопросу: «В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания». О Кутузове говорится: «Против воли государя и по воле народа он был избран главнокомандующим». Что за непонятный механизм «избрания»? Основа его – национальная. Князь Андрей думает: «А главное, почему веришь ему, это то, что он русский». «На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопровождало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова главнокомандующим». «Только признание в нем этого чувства (национально-русского) заставило народ такими странными путями, из в немилости находящегося старика, выбрать его, против воли

¹ Здесь и далее цифры в скобках обозначают порядковый номер цитируемого издания в списке использованной литературы, который приводится в конце работы.

царя, в представителя народной войны». Принадлежность к нации дает человеку более высокие жизненные цели, помогает оторваться от «малых радостей» или, наоборот, совсем безрадостных трудностей жизни, способных полностью его поглотить, особенно в периоды, когда привычная жизнь резко ломается. Ведь вся известная нам история есть история не отдельных людей, а народов. И только через принадлежность к народу человек может ощутить себя участником грандиозного процесса истории. Его жизнь приобретает некоторую высшую осмысленность и ценность, ради которой он способен многим жертвовать. Недаром в войнах, как правило, руководители государств апеллируют к национальным чувствам народа, призывая его к жертвам – и обычно с успехом.

Коммунизм

Я не буду вдаваться в тонкости, различающие понятия коммунизма и социализма, мне и самому они не очень ясны. Напротив, я постараюсь охарактеризовать в общих чертах «социалистически-коммунистическую идею», пользуясь терминами «социализм» и «коммунизм» как синонимами.

Очень важно иметь в виду, что идея эта (как бы она ни называлась) вовсе не продукт последних веков, не идеология пролетариата, возникшего в результате промышленного переворота в Западной Европе. Наоборот, она очень древнего происхождения, то есть относится к числу основных концепций, «архетипов» цивилизованного человечества. Ее законченное, глубоко продуманное изложение известно нам уже из сочинений Платона в IV веке до Рождества Христова.

Платон обсуждает вопрос: как *построить* идеальное государство? Это очень характерно: и всюду впоследствии социалистическая концепция возникает как результат индивидуального рационального мышления, как социальное «изобретение», подобное паровозу или телевизору. Ее можно назвать идеей религиозного масштаба – но лишь в смысле масштаба ее воздействия на людей, способности увлекать их. Возникает же она принципиально другим путем, чем религия или национальное чувство. Двумя тысячелетиями позже Платона Бухарин пишет: «Капитализм не строили, а он строился». Наоборот, «процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным».

Платон начинает с утверждения, что величайшее благо для государства – это единство среди его граждан, «когда чуть ли не все граждане одинаково радуются или печалются». А главное препятствие для этого то, что «невпопад раздаются возгласы: «Это – мое!» или «Это – не мое!». И то же самое насчет чужого». То есть, говоря современным языком, – частная собственность. И Платон решительно заявляет, что ради блага государства частная собственность должна быть упразднена. Но вопрос не такой простой. Надо решить, *какая именно* частная собственность отрицательно действует на общество. Отношение *к чему именно* («Это мое») препятствует единству государства: к моей руке, моему дому или к моим акциям, полученным по наследству от родителей? И центральным тут является вопрос: обладает ли человек частной собственностью на себя или он сам должен рассматриваться как собственность общества? А остальные аспекты частной собственности либо подкрепляют и реализуют то положение, что человек ничьей собственностью не является, либо, наоборот, являются болезненными искажениями такой установки.

Платон занимает самую крайнюю позицию: человеку не принадлежит *ничего*, а сам он *целиком принадлежит* государству (надо отметить, что он подробно говорит лишь об элите описываемого им общества – о тех, кого он называет «стражами»). Стражи живут и столуются вместе. Платон пишет: «...у них не будет никакой собственности, кроме своего тела». Но он идет и дальше. Ведь «моя жена», «мой муж», «мой ребенок» – это тоже «мое». С характерным для него интеллектуальным бесстрашием Платон планирует изгнать из общества и эти отно-

шения. Определенным мужчинам и женщинам разрешается на время соединяться, чтобы произвести детей по решению лиц, стоящих выше в иерархии общества. Дети воспитываются все вместе и не знают своих родителей, а те – своих детей. Религия, мифы, искусство подвергаются жесткой корректировке и цензуре с целью воспитания качеств, необходимых государству.

Более чем за две тысячи лет, прошедших со времен Платона, никто к этой идеологии ничего принципиально нового не прибавил. Она многократно переизлагалась, в чем-то смягчалась ее отпугивающая прямолинейность, она приспособлялась к особенностям других времен. Но основная идея была та же. Зато много разных мыслей было высказано о том, *каким путем* можно воплотить в жизнь этот идеально сконструированный общественный строй. Сам Платон надеялся, что это произойдет, когда на троне окажется «царь-философ». Но в результате двухтысячелетней эволюции этой идеологии доминировать стала точка зрения, что она будет претворена в жизнь массовым восстанием, которое подготовит и возглавит меньшинство наиболее преданных и последовательных сторонников идеологии (как бы те же «стражи» Платона). Вехами этих поисков являются «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, учения Сен-Симона, Фурье, Бакунина, Маркса и Ленина и много других вариантов. Но ядро учения, привлекавшее к нему, было одно: это ощущение человека как элемента грандиозной государственной или партийной машины, построенной из человеческих компонент, многомиллионной *мегамашины*. Чтобы стать таким элементом, человек должен от многого отказаться, но зато, идеально вписавшись в ритм машины, слившись с нею, он получает сверхчеловеческие возможности, власть над людьми и способность вершить историю. Наиболее яркое изложение этой «социалистической идеи» принадлежит, по-моему, Г. Пятакову. Исключенный из партии как троцкист, он потом был принят обратно, временно занимал довольно высокие посты и, в частности, возглавлял советскую торговую делегацию в Париже. Там он встретился со своим бывшим товарищем по партии Н. Валентиновым. Валентинов записал их разговор и много лет спустя опубликовал его. Нервно ходя по кабинету и зажигая одну папиросу за другой, Пятаков изложил ему такие мысли. Напомнив ленинское определение диктатуры пролетариата как «власти, опирающейся на насилие», он разъясняет, что здесь насилие, осуществляемое над другими, – самая тривиальная сторона. Суть дела – в насилии, осуществляемом над собой. «Мы должны пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим», «мы выбрасываем из головы все ею (партией) осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, находясь в оппозиции». «Категория обыкновенных людей не может сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений» – «легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считать ложным? Разумеется, нет. Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера – сущие пустяки перед другим проявлением воли, именно тем, о котором я говорил».

Люди, усвоившие эту психологию насилия над собой, оказываются тем более способными применить насилие к другим людям в масштабах, казавшихся ранее невозможными. Тут вступает в силу другая часть ленинского определения диктатуры пролетариата: «...власть, осуществляемая партией, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами». Вот в последних словах Пятаков и видит основной смысл этой формулировки. «Закон есть ограничение, есть запрещение, установление одного явления возможным, другого невозможным». От этого-то и следует отказаться. Так возникает партия, «несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым». «Для нее область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Ради чести и счастья быть в ее рядах люди идут на те жертвы, которые описаны выше.

Я уверен, что это идеология не одного только Пятакова, а той партийной элиты, к которой он принадлежал. Недаром и Сталин однажды назвал партию «своеобразным орденом меченосцев», хотя такая поэтическая фразеология была ему совершенно не свойственна. И Бухарин

называет партию «революционным орденом». Эта концепция обычно подкреплялась взглядом на всю Вселенную как на механизм, функционирующий, как и общество, по механическим «законам прогресса, подтвержденным новейшими достижениями науки», или по «законам диалектического материализма». Возникал взгляд, претендующий на истолкование с единой точки зрения всего бытия – в этом смысле претендующий занять место религии. Но в буквальном смысле эта идеология религией не является, так как абсолютно «посюсторонняя».

Эта «социалистическая идея» обладает необычайной притягательностью для проникших ею людей. История показывает нам многочисленные примеры революционеров, идущих на смерть или каторгу, коммунистов, осуществляющих вооруженной рукой продразверстку с риском быть растерзанными крестьянами, и т. д. Да это же видно в цитированном монологе Пятакова. В другой его части он говорит: «Я слышал следующего вида рассуждения... Она (партия) может жестоко ошибаться – например, считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое... Всем, кто подсовывает мне этот пример, я скажу: да, я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней...» Многие из того слоя партийной элиты, к которому принадлежал Пятаков, подтвердили делом его слова. Они проявили бешеную энергию на фронтах Гражданской войны, но безропотно пошли на гибель, когда так решила партия. И многие из них действительно заявили, что «считали черным то, что казалось белым», признав на показательных процессах обвинения, иногда, бесспорно, выдуманные. (При самой крайней подозрительности по поводу бывших революционеров – «революцию не делают в белых перчатках» – многие самообвинения были фактически опровергнуты или просто бессмысленны.)

XX век отличается тем, что в это время во многих странах осуществляется попытка построить государство на основе социалистической идеи. Само по себе это в истории – не новость. Государства, построенные по такому принципу, существовали в разное время в Месопотамии, Древнем Египте, Древнем Китае, в Перу до испанского завоевания, в государстве, организованном иезуитами в Парагвае, и т. д. Это было многократно описано историками, о чем говорят хотя бы названия книг: «Государственный социализм в XV веке до Р.Х.», «Коммунистическая христианская республика Гуарани» и др. Но в XX веке социалистические революции потрясли весь мир. Конечно, центральным событием была революция в России. Но одновременно были социалистические революции в Баварии и Венгрии, позже – в Китае, на Кубе, во Вьетнаме и в Камбодже. Это был мировой кризис, эпицентр которого находился в России.

Признаком всемирного характера социалистического движения в XX веке была и та моральная поддержка, которую большая часть западной интеллигенции оказывала Советскому Союзу (а позже – маоистскому Китаю и Кубе).

В грандиозных переворотах, связанных с социалистическими революциями XX века, с той «социалистической идеей», которую я попытался сформулировать выше, смешивались и к ней присоединялись внешне схожие, но принципиально отличные элементы жизни – такие, как навыки коллективных форм труда, требования социальной справедливости и т. д. Например, в русской общине земля время от времени подвергалась переделу. Однако на земле, выделенной ему, крестьянин хозяйствовал самостоятельно, решая, где и что ему сеять, когда убирать, когда свозить... То есть труд его носил творческий характер в сотрудничестве с природой. Это была форма хозяйствования, по духу противоположная «трудовым коммунам» времен «военного коммунизма» и колхозам более позднего времени. Или, в другом случае, когда английское лейбористское правительство после Второй мировой войны, опираясь на высокие налоги на капитал, развернуло широкую программу социального обеспечения, включая бесплатную медицинскую помощь и бесплатное снабжение лекарствами, – то основой все же оставался капитал, прибыли которого облагались высокими налогами. Наоборот, партии ортодоксально-социалистического толка, например коммунистические, всегда относились подозрительно к такой

борьбе за улучшение социальных условий трудящихся, называя ее «тред-юнионизмом», «борьбой за пятак», «экономизмом» или «подкупом верхушки рабочего класса».

Во всех известных попытках осуществления коммунистического идеала вслед за эпохой радикальных преобразований следует период компромиссов и отказа от крайних принципов. В одной статье В. Г. Распутина о коммунизме, его роли в истории России говорится: «Призванный погубить страну, он постепенно стал державником, на свой, разумеется, твердолобый и непререкаемый манер, которому не близко до желаемого блага». Мне кажется, что здесь намечается и более широкая, и очень плодотворная мысль. Если говорить о наших «трех идеях», то и «коммунистическая идея», и русская «национальная идея» существовали в XX веке не в каких-то разных пространствах и даже, большую часть времени, не разделенные фронтом. Власть в России была коммунистической. Но национальная русская традиция имела за плечами тысячу или тысячи лет и не могла внезапно исчезнуть. Обе «идеи» влияли друг на друга и видоизменяли друг друга.

Собственно, я думаю, привившийся термин «советская власть» подразумевает, конечно, не «власть Советов» – они были подчинены партии, – а ту именно реальную форму, которую «коммунистическая идея» приняла в России под влиянием многообразных воздействий жизни, и в частности русской национальной традиции. Вот именно протекавший в реальной жизни процесс взаимодействия этих двух фундаментальных идей и важно рассмотреть. Следующая часть работы содержит некоторые соображения на эту тему.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Конечно, вопрос не новый. Разные точки зрения можно найти, например, в «круглом столе» («Наш современник», 1997, № 11), состоявшемся в связи с 80-летием Октябрьской революции.

Один из ответов, предлагавшихся на сформулированный выше вопрос, заключается в том, что как раз в XX веке «коммунистическая идея» и «национальная русская идея» практически совпали. Согласно этому взгляду, коммунистическая революция реализовала чаяния подавляющего большинства русского народа. Буржуазно-масонская Февральская революция развалила Россию. Гражданская война была навязана контрреволюционными генералами и Антантой, но она была одновременно процессом «собирания России» новой властью.

Мне кажется, что в этой точке зрения фактами подтверждается только то, что относится к Февральской революции. Она действительно разрушительно подействовала на страну. Но как только вслед за революцией активизировалась большевистская партия, она включилась именно в эту разрушительную деятельность и играла в ней наиболее активную роль. Октябрьская революция логически предполагала гражданскую войну. Партия, совершающая революцию, берет тем самым на себя ответственность за возникающую потом гражданскую войну, если речь идет не о смене одного монарха другим, а об изменении всего экономического и политического уклада. Но в данном случае положение еще более ясное. Едва прошел один месяц с начала Первой мировой войны, как Ленин уже сформулировал свой лозунг о превращении войны империалистической «в беспощадную гражданскую войну». Он и дальше его постоянно пропагандировал. И в этом он был принципиален и последователен как марксист. Маркс писал: «Мы говорим рабочим: вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, и не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». То есть гражданская война рассматривалась как метод создания «нового человека».

Еще в январе 1918 года, когда гражданской войны не было, Крыленко говорил на III съезде Советов: «Красная армия в первую очередь предназначена для войн внутренних». Бухарин писал: «Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира – это есть гражданская война <...>, в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш». Он негодует, что Каутский ужасается по поводу «самой страшной» гражданской войны, называя это «чудовищным ренегатством». Или Свердлов на заседании ВЦИКа четвертого созыва ставит задачу: «... расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря <...>, разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах <...>, только в том случае сможем мы сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов».

Таким образом, идея гражданской войны принадлежит к числу основных концепций, принятых руководством большевистской партии, – это, собственно, была та форма, которую классовая борьба принимала в эпоху пролетарской революции.

Еще до Октябрьской революции параллельно разработке и внедрению идеи гражданской войны развивалась идея борьбы за поражение своего правительства в идущей мировой войне. Ленин писал: «Русские социал-демократы были правы, говоря, что для них меньшее зло – поражение царизма, что *их* непосредственный враг – больше всего великорусский шовинизм»; «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это – аксиома». Он имеет в виду явно не одни «желания», призывая к политике, которая «несовместима, по большей части, с законами о государственной измене». «Пролетариат не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей «с нами» страны, не совершая «государственной

измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистической «великой» державы». Эта программа и реализовалась.

Финансирование германским генеральным штабом большевистской партии в период между Февральской и Октябрьской революциями подтверждено столькими свидетельствами, как редко какой исторический факт. Тут и опубликованные в 1950-е годы документы германского генерального штаба, и свидетельства современников. Однако все это было лишь продолжением старой традиции. Так, в 1904 году на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме Плеханов заявил, что он считал бы победу царизма в войне с Японией поражением русского народа, и под гром аплодисментов обнялся с японским делегатом Катаямой. Аналогичные заявления делались немецкими и французскими делегатами на различных конгрессах II Интернационала перед Первой мировой войной. Но когда дело дошло до реальной войны, их марксистские убеждения оказались недостаточно последовательными. А ведь еще Маркс писал Энгельсу: «Я вполне согласен с тобой относительно Рейнской провинции. Заглядывая в будущее, я вижу нечто, что будет сильно отдавать «изменой отечеству»; вот это для нас фатально. От поворота, который примут дела в Берлине, будет зависеть, не будем ли мы вынуждены занять такую же позицию, какую в старой революции заняли майнцские клубисты». («Майнцские клубисты» – группа немецких иллюминатов, способствовавших во время войны с революционной Францией сдаче Майнца французам, а потом агитировавших за присоединение Рейнской области к Франции.)

Выше уже приводилась мысль Ленина, что в число мер, способствующих поражению «своего» правительства, необходимо включить развал «своей» державы. И более конкретно: «Кто пишет против «распада России», тот стоит на буржуазной точке зрения». Этот вопрос обсуждался на VII партконференции в апреле 1917 года. Там Ленин говорил: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ (? – *И. Ш.*), должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии... Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист». И это в то время, когда, например, самое крайнее украинское движение, Рада, добивалось только автономии в пределах России.

Логическим следствием этой политики был Брестский мир, после которого границы Советской России на Западе в основном совпали с границами теперешней, постперестроечной Российской Федерации, – отсюда они и происходят. Трудно предположить, что большевистское руководство или лично Ленин заранее рассчитывали на поражение Германии на Западном фронте, позже освободившее их от пут Брестского мира. Они скорее преувеличивали силы Германии, обычно приводя ее как пример наиболее организованного, самого передового капиталистического государства в Европе. Их истинная надежда была – так и несостоявшаяся мировая пролетарская революция.

После поражения Германии на Западном фронте и в результате Гражданской войны размеры Советской России стали быстро расширяться. Именно этот процесс, по-видимому, и дает пищу концепции «собрания Российского государства» коммунистической властью. Подобные мысли высказывались и тогда, во время Гражданской войны, но, как правило, людьми, жизнь которых была разбита разразившейся катастрофой, готовых хвататься за соломинку, принимать любую утешающую мысль (сейчас, когда наша страна переживает такого же масштаба катастрофу, мы можем очень хорошо понять подобную психологию).

Таковыми были, например, герои романа Булгакова «Белая гвардия». В романе Савинкова «Конь бледный» описывается белый офицер, проникший в Советскую Россию с целью убить Дзержинского. Для этого он становится командиром Красной Армии и против своей воли начинает ей сочувствовать – видит, что это настоящая армия, спаянная дисциплиной. Позже, после окончания Гражданской войны, подобные взгляды высказывало целое направление – «сменовеховцы». Но это направление выросло уже на ядовитой почве эмиграции (эмиграция

– страшная вещь, говорил Герцен, испытавший ее на себе). Даже Пуришкевич писал: «Советская власть – это твердая власть, – увы, не с того лишь боку, с которого я хотел видеть твердую власть над Россией».

В качестве показателя подобных настроений иногда приводят цифры, указывающие на значительное число дореволюционных офицеров, воевавших в Гражданскую войну в Красной Армии, рассматривая это как признание ими «государственнического» характера новой власти. Но при этом нельзя, например, забывать, что была объявлена мобилизация офицеров и что Троцкий сообщил на заседании ЦИКа в июле 1918 года: «Каждый военный специалист (так назывались тогда дореволюционные офицеры. – *И. Ш.*) должен иметь и слева и справа по комиссару с револьвером в руке». Троцкий утверждает, что сообщил Ленину про мобилизованных бывших офицеров – они должны выбирать: «...с одной стороны – концлагерь, а с другой – служба на Восточном фронте». У многих из мобилизованных в качестве заложников оставались семьи. Только учитывая все эти факторы, можно было бы попытаться оценить участие бывших офицеров в Гражданской войне на стороне Красной Армии как признак их сочувствия (хоть в какой-то степени) одной из сторон.

Но кто определенно таких мыслей не высказывал – это вожди большевистской партии (когда Ленин говорил, что «мы оборонцы с 25 октября 1917 года», то тут же оговаривался: «...та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм как отечество, за Советскую Республику как *отряд* всемирной армии социализма»). Традиция исторической, национальной России была им глубоко антипатична, их цель была – мировая революция. Одну свою речь (после Февральской революции) Троцкий закончил лозунгом: «Будь проклят патриотизм!» Один близкий Ленину человек, впоследствии эмигрировавший, уверял, что Ленин ему сказал: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, – это только этап, через который мы проходим к мировой революции». Но подобные высказывания можно встретить и в Собрании сочинений Ленина, например: «...интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» (как аргумент в пользу Брестского мира).

Еще в 1919 году перед войсками Украинского фронта ставилась задача прорыва на помощь советской Венгрии. Был сформирован венгерский «Отряд Фекете». Но тогда рассчитали, что сил не хватает.

Типичным примером была война с Польшей в 1920 году. Целью ее было не нанесение удара польской армии, чтобы вернуть Польшу как часть Российской империи или отстоять Западную Украину и Западную Белоруссию. Цель была – прорваться в Германию на помощь немецкому пролетариату. Приказ Тухачевского гласил: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару... Вперед на Запад!» Именно эта установка стала одной из причин поражения. В результате 130 тысяч красноармейцев попали в польский плен. В первые же два года 60 тысяч из них умерли от бесчеловечных условий в польских концлагерях (2). Это была плата русской кровью за попытку разжечь мировую революцию.

Тогда же, в разгар удара по Польше, Тухачевский написал статью в форме обращения ко II конгрессу Коминтерна. Он пишет: «Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата <...>. Государство, находящееся под властью рабочего класса <...>, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира». Для этого, «учитывая неизбежность мировой гражданской войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб III Коммунистического интернационала». «Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический интернационал». Эта статья включена в книгу, само название которой красноречиво: «Война классов» (3). В ней говорится: «Захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны сосед-

него пролетарского государства». Согласование этих двух направлений революции, изнутри и извне, и должно, по мнению автора, быть функцией Коминтерна.

Такие взгляды были широко распространены. Бухарин, например, пишет, что в империалистической войны, национально-сепаратистских восстаний, гражданской войны внутри страны и, наконец, классовой войны между государственно организованной буржуазией и государственно организованным пролетариатом». «Начавшаяся *эпоха революций* <...> есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в *классовые войны*». Декрет, изданный в январе 1918 года, характеризует Красную Армию как «поддержку для грядущей социалистической революции в Европе».

Приписывать большевикам эпохи Октябрьской революции стремление к «собираанию России» значит ошибочно переносить на них чувства, испытываемые многими сейчас. Им-то русская историческая традиция была чужда и враждебна, виделась, по словам Ленина, как «великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями и капиталистами». Цель большевистского руководства была – мировая пролетарская революция. Как писал Ленин, «мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию».

Верно ли, что Октябрьская революция реализовала чаяния народа? В 1917 году народ, прежде всего, был глубоко травмирован войной. Действительно, представим себе тогдашнее положение: приносятся колоссальные жертвы (1 миллион 650 тысяч убитых и умерших от ран). Как это понять рядовому солдату? Ради чего эти жертвы? Война идет среди населения, говорящего не по-русски, часто настроенного недружественно к русским (в Польше, Литве, Галиции, Румынии). Народом она не воспринималась как «защита отечества», не апеллировала к исторически сложившимся чувствам. Вероятно, именно это имел в виду Столыпин, когда в письме Извольскому писал (в 1911 году): «Война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели непонятны народу, станет фатальной для России и династии»; «Россия выстоит и одержит победу только в народной войне». Из всех партий большевики одни призывали к немедленному прекращению войны («воткнуть штык в землю»). Это соответствовало чаяниям определенной, вероятно большой, части народа.

Но в результате Октябрьской революции вместо мира народ получил еще три года Гражданской войны. Эта война, вызванные ею эпидемии и голод унесли, по подсчетам разных историков, 13—17 миллионов человек. То есть по масштабу катастрофа далеко превосходила даже «перестройку» (если не гадать о будущем). В то же время за три года предшествовавшей мировой войны потери России (по всем причинам) составили 5 миллионов человек (включая население оккупированных территорий). И эта Гражданская война была заранее запланирована (как писал Ленин), специально разжигалась в деревне (как говорил Свердлов), ее всеми силами стремились превратить в мировую (как об этом писали Бухарин и Тухачевский).

Крестьянская война

Другим вопросом, игравшим драматическую роль в революции, был вопрос о земле. Россия была крестьянской страной: 4/5 населения были крестьянами. Крестьяне страдали от безземелья. Поэтому неурожайный год сразу оборачивался голодом. На почве безземелья все время возникали крестьянские восстания, цель которых была – захват помещичьих земель. В XX веке первый взрыв крестьянских волнений был в 1902 году в Левобережной Украине. Боевой лозунг, что от безземелья крестьян спасет раздел помещичьих земель, распространяли все левые партии: кадеты и все, кто левее их. Так что после Февральской революции власть оказалась полностью в руках партий, стоящих за отчуждение помещичьих земель. Но одни партии считали, что для этого необходим декрет Учредительного собрания, другие предлагали создать комиссии для справедливого раздела. Одни большевики предлагали немедленный раздел. Это

и обеспечило им широкую поддержку (иногда активную, чаще – пассивную) во время Гражданской войны.

Встает основной вопрос: в какой мере крестьянское безземелье было преодолено в результате этой политики? В современном учебнике для студентов исторических факультетов (31) говорится: «Что касается общего количества перешедшей к крестьянам земли, тоистики до сих пор затрудняются назвать более или менее правдоподобную цифру». Действительно, оценки очень различны. Так, в отчете Наркомзема, изданном в 1920 году, сообщается: «Специальная анкета центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу» (39).

Прежде всего необходимо оценить степень и причины крестьянского безземелья. Вот что писал Н. Д. Кондратьев:

«По данным переписи 1916 года, по 47 европейским губерниям на долю крестьянских посевов приходилось 89,2% всех посевов. Крестьянам принадлежало 93,9% всех рабочих лошадей, 94,2% крупного рогатого скота, 94,3% всех свиней. В рыночном обороте хлеба на долю крестьянского хлеба приходилось 78,4%» (4). Те же цифры приводят и другие экономисты, например Челинцев. Но, видимо, в «крестьянские посевы» включаются и посевы крестьян на арендуемой у помещиков земле, а плата за аренду ложилась тяжелым грузом на бюджет крестьянина. С другой стороны, говорит Кондратьев, «десятина земли дает пшеницы: в Англии – 138 пудов, в Германии – 121 пуд, во Франции – 79 пудов, в России – 42 пуда. Чем же это объясняется? Этого нельзя объяснить плохой природой России, плохим климатом и плохой почвой. Климат значительной и самой плодородной части Южной России не хуже климата Германии, Франции и Англии. Тепла и влаги у нас не менее, чем там. То же самое нужно сказать о нашей почве. Наш южный чернозем даже превосходит почву Западной Европы. Объяснение нужно искать в плохой обработке земли, в отсталости крестьянского хозяйства» (5). (Кондратьев происходил из малоимущей крестьянской семьи, был старшим из десяти детей. Окончил церковноприходскую школу и церковно-учительскую семинарию. Сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в университет. Впоследствии стал крупнейшим ученым с мировым именем, открытые им «кондратьевские циклы» стали общепризнанным в мире законом экономики. Принадлежал к партии эсеров, хотя и не был политически активным. Таким образом, его высказывания – это суждения исключительно компетентного специалиста, смотрящего на вопрос именно с «крестьянской», отнюдь не с «буржуазно-помещичьей» точки зрения.)

В цитированной статье Кондратьев считает, что имеется 56—60 миллионов десятин пригодной для земледелия помещичьей, казенной, монастырской земли, которую можно было бы разделить между крестьянами. Он считает, что если передел произвести так, чтобы обеспечить землей самых малоземельных, то можно добиться того, чтобы каждое крестьянское хозяйство имело не менее 10 десятин земли. Кондратьев считает, что это утолит немедленный земельный голод, и выступает за такой передел. С другой стороны, он подчеркивает очень тяжелое положение сельского хозяйства. Например, 36% хозяйств – безлошадные; что они будут делать со своими десятью десятинами, если их получат?

Но вот в результате революции вся земля была поделена «по-черному». В другом месте Кондратьев говорит, что в 1916 году по 24 обследованным губерниям Европейской России на хозяйство в среднем приходилось 4,97 десятины пашни (5). А в статье, написанной В.П. Даниловым и Н. А. Ивницким (6; введение), то есть двумя наиболее компетентными в этой области современными специалистами, утверждается, что к 1927 году среднее крестьянское хозяйство в СССР обладало 4—5 десятинами пашни. То есть после революции размер пашни на одно хозяйство сначала (к 1919 году, согласно данным Кондратьева) упал вдвое, а за десять лет вернулся к прежним размерам. И за это было уплачено миллионами человеческих жизней и духовной травмой, сказывавшейся еще в течение десятилетий!

По-видимому, представление о необъятных помещичьих землях, раздел которых надолго сможет решить крестьянские проблемы, было пропагандистским мифом, очень умело внушенным левыми партиями (кадетами и всеми левее их). (Мы все были свидетелями аналогичного явления, когда в начале «перестройки» средства информации начали массированную атаку на «привилегии». Помню обошедшую тогда многие газеты фотографию дачи какого-то маршала, довольно потрепанной. А в то же время можно было видеть своими глазами возникающие как грибы мини-дворцы дельцов, под прикрытием этих криков делящих богатства страны.)

Но самое существенное заключается в том, что помещичьи земли были крестьянами вовсе не «получены», а отвоены (и то меньше чем на десять лет) в ожесточенной трехлетней войне против новой власти.

Конфликт, возникший между новой коммунистической властью и деревней, имеет две стороны: идеологически-юридическую и практически-жизненную. *Идеологически большевики всегда были решительными противниками передачи земли крестьянам: они требовали национализации земли, передачи ее в распоряжение государства.* Еще в резолюции VII партконференции РСДРП(б) в апреле 1917 года говорится: «...означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжаться землей в руки местных демократических учреждений». Но прямое провозглашение и проведение такой программы вызвало бы сопротивление всей крестьянской России. Из тактических соображений Ленин соглашался пойти на временный отказ от нее: «Мы становимся таким образом – в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств – защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от «старого режима».

После прихода большевиков к власти эти взгляды нашли отражение в нескольких декретах и постановлениях. Первым и наиболее известным был Декрет о земле от 26 октября 1917 года. В нем декларировалась безвозмездная передача помещичьих земель крестьянам. К декрету был приложен наказ для руководства, составленный из 242 местных крестьянских наказов. В этом наказе говорится, что земля, перешедшая к крестьянам, поступает в «уравнительное землепользование» (этот принцип лежал в основе дореволюционной общины). Этим большевистское правительство временно отказалось от исполнения своей программы и приняло эсеровскую программу. Да и Ленин говорил на III конгрессе Коминтерна: «Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка». Но дело не было столь однозначно. Слова об отмене частной собственности на землю, содержащиеся в наказе, могли (как и было впоследствии) служить оправданием перехода ее под контроль государства.

Вскоре после Декрета о земле, 19 февраля 1918 года, был опубликован «Основной закон» о земле, где подтверждалась отмена «всякой собственности» на землю, недра, воды и леса. Все они передавались «трудовому народу». При этом земля для занятия сельским хозяйством отводится: в первую очередь сельскохозяйственным коммунам, во вторую – сельскохозяйственным товариществам, в третью – сельским обществам и лишь в четвертую – отдельным семьям и лицам.

А еще через год – 14 февраля 1919 года – издается положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». В нем говорится, что «вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом и находится в распоряжении соответственных народных комиссариатов»; «Необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящее и отживающее. В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику». Таким образом, идея национализации, создания единого общегосударственного земледельческого хозяйства была не оставлена, а со временем формулировалась все более четко.

Конечно, средний крестьянин вряд ли следил за резолюциями партконференций, декретами и законами. Реально деревня и новая власть столкнулись в вопросе о хлебе, а конкретнее – в связи с продразверсткой. Продразверстка, то есть обязательство крестьян *продавать* определенную часть урожая, была как мера военного времени введена еще до Февральской революции, а монополия государства на торговлю хлебом была установлена Временным правительством. Особенность же продразверстки, проводившейся после Октябрьской революции, заключалась в том, что власть пыталась конфисковать практически весь хлеб, *ничего* не давая взамен. Более того, уже в мае 1918 года Свердлов огласил план внесения Гражданской войны в деревню, цитированный выше, была объявлена продовольственная диктатура, создана продовольственная армия, издан декрет о комбедах. В Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1922 года «кулаки» были объявлены «лишенцами». В этих условиях продразверстка приняла формы, на которые крестьяне ответили непрекращающейся чередой восстаний – крестьянской войной. Теперь, когда многие архивы рассекречены, по этому вопросу изданы сборники документов (7, 8, 9), систематические обзоры (10, 11). Из них возникает картина «забытой войны», помнить которую было не нужно ни белым, ни (тем более) красным. Но которая тем не менее на какое-то время определила ход истории.

Вот несколько примеров (взятых из этих публикаций), как проводилась продразверстка. Из доклада партии эсеров в Тамбовской губернии в 1920 году: «Так как хлеба в губернии все-таки мало, то в некоторых волостях крестьяне оказываются не в состоянии даже покупок покрыть причитающуюся с них «норму», отдают семена, отдают оставленную для собственного потребления «норму», а когда и этого не хватает, отказываются наотрез и молчаливо ждут наказания: «И так и так умирать, пусть стреляют». Случаи массовых расстрелов крестьян уже были в 3—4-х местах губернии... Зарегистрировано также несколько случаев самоубийств крестьян; в одном из сел Тамбовского уезда покончил самоубийством даже местный «комиссар»-большевик, которому постановлено, под угрозой расстрела, невыполнимое требование – взять с деревни еще по 5 пудов хлеба, когда перед тем мужики уже дважды внесли эту норму».

Из сводки ВЧК: «Продотряды, согласно заявлению крестьян, безжалостно выметают все до зерна, и даже бывают случаи, где берут заложниками уже выполнивших разверстку» (в сводке это относится к «недоразумениям»). Из другой сводки: «Путем ареста, принудительных работ я заставляю их («кулаков». – *И. Ш.*) подчиняться необходимым распоряжениям». Вот картина того, как осуществлялась продразверстка «приехавшим в уезд (Борисоглебский) гражданином Марголиным»: «В ход была пущена порка... Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что был арестован Ревтрибуналом, но по приказу из Тамбова ныне выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей. Продовольственную разверстку гражданин Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: «Я вам, мерзавцам, принес смерть. Смотрите, у каждого моего красноармейца по сто двадцать свинцовых смертей на вас, негодяев». Затем начинается требование выполнить продразверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. п.». Из заявления Никольского волостного совета крестьянских депутатов: «...отряд с пулеметом, во главе с Пузиковым, каковой арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен был быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что муж ее был расстрелян». Сверх того, множество жалоб на то, что продразверстка накладывается совершенно произвольно, не пропорционально возможностям, а отобранные продукты расхищаются или не вывозятся и гниют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.